

СОНЕТЪ.

Я полюблю, какъ любятъ Королевичи,
Какъ любятъ рыцари Прекрасныхъ Дамъ.
Любимой дѣвушкѣ я гимнъ воздамъ,
Въ который воплощу всѣ чары дѣвичи.

И на нее заглянутся Царевичи,
Дивясь ея младенческимъ годамъ.
А по ея рубиновымъ слѣдамъ
Чьи взоры не узнаютъ Королевы—чьи?

Въ ея вѣнокъ я заплету камеліи
И хрупкій станъ одѣну въ кружева.
Создавъ эскизъ шекспировской Офеліи.

Въ мечтахъ загрузится романъ—мистерія.
Я въ тихій Рай открою ей преддверія —
И будетъ тамъ она во всемъ права.

1

СОНЕТЪ, НЕ КОМПРОМЕТИРУЮЩІЙ.

(Вольный).

Вы шарфомъ руки оттъяните.
Вѣдь шарфъ такой ажурно-фіолетовый.
Здѣсь Королевой будете все дѣто Вы.
А на зиму — въ Италію, въ Гаити!

Въ странѣ истома шарфъ Вашъ фіолетовый
Небесной тканью заузорить нити.
Вы бронзово вся загорите
И рады будете такому цвѣту Вы.

А я послѣдую за Вами всюду.
Въ гондолѣ. Въ роцѣ. На пескѣ.—
Отъ Королевы благосклонной вдаль.

Компрометировать я Васъ не буду.
Какъ лучъ, прильнувшій къ изумруду.
Какъ тихій поцѣлуй, остывшій на щекѣ.

СОНЕТЪ.

Еще нигдѣ не зацвѣли черешни
И золотомъ не загорѣлся боръ.
А мы изъ сказокъ развели костеръ
И голубей зовемъ на праздникъ вешній.

На горизонтѣ вычерченъ соборъ,
Гдѣ люди вѣрятъ образно и внѣшне.
А Вы хоть съ каждымъ новымъ днемъ всегрѣшней,
Но чѣмъ-то ангельскимъ расписанъ взоръ.

Сперва Вы подарили руки—змѣи.
Потомъ Вы дали Ваши губы ежечь.
Нетронутыя, какъ мечты камней:

Мнѣ вѣдомо, что небыло Предтечъ.
Теперь, молясь сверхчувственнымъ желаньямъ,
Приносите Вы жертвенную дань имъ.

СОНЕТЪ.

Набросокъ губъ твоихъ былъ цвѣта вишенъ.
А въ косахъ бронзовыхъ былъ розовый отливъ.
Твой незатѣйливый нарядъ почти красивъ,
Но для изящнѣйшаго тѣла лишень.

Свое лицо ко мнѣ намѣренно склонивъ.
Ты выпрямила станъ, что былъ всколышенъ.
Твой голосъ пѣлъ — почти никѣмъ неслышенъ.
Ты вся ушла въ меня — за радужный извивъ.

Моя Алмазная! Великолѣпье тѣла
Въ сложеньѣ, выгибѣ и линіи
Вѣдь отъ художника ты скрыть бы не хотѣла?

А я вложилъ бы въ трудъ мечту богатую:
Тебя намѣтивъ Героинею,
Изъ гибкихъ словъ я вылѣпилъ бы статую.

ДМИТРИЙ БѢЛОПОЛЬСКИЙ :

СОНЕТЪ.

На рукахъ Вашихъ тонкихъ избалованность кожи.
А на пальчикахъ островъ изъ камней діадемъ.
Вы живете въ романахъ первозданныхъ поэмъ
И при солнечномъ свѣтѣ на Мадонну похожи.

Въ этотъ міръ Ренессанса Вы явились за тѣмъ.
Чтобы Вами загрезиль вдохновенный прохожій.
Если Вы среди смертныхъ— О, Вы—женщина тоже!
И Вашъ взглядъ бирюзовый созерцательно-пѣмъ.

Мнѣ про Васъ говорили небылицы мистерій,
Что на Вашихъ святыняхъ много синихъ артерій.
Вамъ извѣстна болтливость камышей и мышей.

Потому лишь изъ Моря на фаянсовый берегъ
Выходите, закрывшись до рисунка ушей,
Гдѣ сверкають рублины подъ качелями серегъ.

СОНЕТЪ.

Уже я пробѣжалъ среди пахучей ржи
И смялъ по прихоти высокій колось.
Въ душѣ желанье съ жалостью боролось,
Но совершилъ я грѣхъ у дѣвственной межи.

Я на головкѣ трупа гладилъ каждый волосъ
И Господа молилъ: „Не накажи!“
У поля царственного есть пажы—
Колосья стройные, что слышали мой голосъ.

Благоговѣйно по рукѣ ползли двѣ твари:
Большой жучокъ и маленький, должно быть, парій.
Второй, зелененькій, вонзилъ свой хоботокъ.

Шла рядомъ дѣвушка. Алѣлъ ея платокъ.
А въ небесахъ предъ фантастичной вилою
Зардѣлся макъ—пурпурное Свѣтило.

ДМИТРИЙ БЪЛОПОЛЬСКИЙ:

СОНЕТЪ.

Еще одна прочитана мной книга,
И разрѣшенъ живой вопросъ.
Но также больше смысла въ жизни мига
И красоты—въ улыбкѣ ростъ.

Люблю я въ василькѣ—уборѣ косъ—
Египетскую тѣнь индиго.
Быть можетъ Разумъ, сильный, какъ наркозъ,
Для человѣчества лишь иго?

Но все равно. Вѣдь пламенемъ Гекубы
Вездѣ горять слова и плиты.
И есть души фіалъ открытый.

И красныя, и сфинксовыя губы.
Вотъ символъ, что Бытье не на уклонѣ,
Что счастье тамъ, гдѣ сердце благовоннѣй.

СОНЕТЪ.

Я скитался по Марсу, по уснувшей планетѣ.
Гдѣ слагали экстазно златозарный сонетъ.
Было все тамъ, какъ въ сказкѣ. Полутьма. Полусвѣтъ.
Было все тамъ кристально. Было въ мраморномъ свѣтѣ.

Я летѣлъ по лазури къ раскаленной кометѣ.
Мнѣ Венера метнула изъ созвѣздій букетъ.
Я взвивался на звѣзды. Я лучемъ былъ согрѣтъ.
Тамъ, какъ въ царствѣ подводномъ на янтарномъ разсвѣтѣ.

Я объѣздилъ планеты. Мнѣ дворецъ возводили..
О землѣ осіянной тамъ легенды бродили.
Я виталь у Свѣтила. Я нагнулся къ оконцу.

Я раскрасилъ легенды озаренному Солнцу,
Что про насъ—земносмертныхъ— въ поднебесѣхъ сплетались,—
И мы такъ засмѣялись! Мы такъ долго смѣялись!

ДМИТРИЙ БЪЛОПОЛЬСКИЙ:

ВЪ БЪЛОЧКИНОЙ ШУБКѢ.

Вы жмурились и уплывали въ мѣхъ,
Напоминая мнѣ голубку.
Ахъ, Сѣверяночка, немного грѣхъ
Похитить бѣлочкину шубку.

Вы зарумянились. И ушки зябли,—
Студенная продлилась осень,
И холодъ жегъ, какъ сталь скрещенной сабли.
Я шелъ рядкомъ. И былъ несносенъ.

Вамъ было знойно чувствовать успѣхъ.
Но все-таки синѣли губки.
Вамъ грезилося. И Вы нырнули въ мѣхъ
Движеньемъ зябнущей голубки.

ТРИОМЕТЬ.

Августный вечеръ чуть золотъ. Чуть золотъ.

Даль загорается. Даль такъ свѣтла.

Гдѣ-то въ безбрежности тѣнь умерла.

Августный вечеръ чуть золотъ. Чуть золотъ.

Миръ въ грезоснѣ. Въ неизбѣжности — холодъ.

Въ выси надземной и звѣзды, и мгла.

Августный вечеръ чуть золотъ. Чуть золотъ.

Даль — въ безпредѣльности. Даль такъ свѣтла.

ТРИОМЕТЬ.

Въ голубыя ночи на крутыхъ утесахъ.

Помнишь? — Златозори мы безъ сна встрѣчали.

Ты была хрустальна въ полутѣняхъ шали,

Какъ свѣченъе ночи на крутыхъ утесахъ.

Розовѣли дали въ брилліантныхъ росахъ.

Ты склонялась къ безднѣ въ золотой печали.

Въ голубыя ночи на крутыхъ утесахъ

Помнишь? — Златовесны мы съ Луной встрѣчали.